

Д. В. Журавлев

# ЗАГАДКИ ИСТОРИИ



## СТРАНА ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА



САМУРАИ ПРОТИВ ПОТОМКОВ ЧИНГИСХАНА  
ОТЦЫ ИЕЗУИТЫ В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА  
СЕКРЕТЫ НЕУЛОВИМЫХ ЛЮДЕЙ-ТЕНЕЙ  
ТАЙНЫ БУСИДО  
ЗАГАДКИ «БОЖЕСТВЕННОГО ВЕТРА»

Харьков  
ФОЛИО  
2017

---

## Меч, крест и камикадзэ, или Несколько японских загадок

Роса на ножнах меча  
Застыла капельками слез,  
Жалея о прошедшей ночи...

(Неизвестный японский  
поэт XVII века)

Сначала немного о том, чем *не является* книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в своих руках. Итак, это *не* очередная попытка создать некую связную историю Японии (историю политическую, экономическую, социальную или культурную), это *не* энциклопедия всех японских обычаев, традиций и просто загадок и странностей, коими они часто кажутся тем, кто мало знаком с Японией. В равной степени это и *не* специальная научная работа, посвященная некой узкой проблеме, хотя ее автор — профессиональный историк. Скорее, эта книга, выходящая в серии «Загадки истории», представляет собой подобие калейдоскопа, узор которого составляют пять по-своему переплетенных между собой сюжетов, посвященных темам, более или менее окутанным покровом тайны. Почему этих сюжетов именно пять? Сложно сказать. Может быть, потому, что великий фехтовальщик времен японского Средневековья Миямото Мусаши когда-то назвал свою книгу о философии меча «Горинно сё» — «Книга пяти колец», по числу традиционных для Дальнего Востока стихий (Земля, Вода, Огонь, Воздух и Пустота). Может быть, сначала многим читателям такой отбор сюжетов покажется несколько бессистемным, но связь между ними есть — так же как взаимосвязаны пять упомянутых стихий.

Итак, читателя ждет знакомство с:

- загадками монгольского вторжения в Японию в XIII веке;
- деятельностью отцов-иезуитов в Стране восходящего солнца и с тем, как Япония чуть не стала католической страной;

- секретами неуловимых «людей-теней»;
- тайнами идеала *бусидо* (Пути воина);
- загадками «божественного ветра» в XX веке.

Постойте, вправе сказать читатель, а где же обещанные загадки, если о самураях, ниндзя и камикадзэ не слышал разве что только тот, кто вообще ничего не знает о Японии? Конечно же, именно о них, выразителях «янского» начала «загадочной японской души», написано много, пожалуй, больше, чем даже о популярных «иньских» бонсай, чайной церемонии и гейшах. Пожалуй, именно необычность, экзотичность этих ярких образов вызывает неизменный интерес читателя к данным темам. Впрочем, по прочтении значительного количества русско- и англоязычной литературы на эту тему у автора появилось не меньше новых вопросов, касающихся вышеупомянутых образов, чем их было вначале. Ответить на некоторые из них помогли источники (японские *гунки*<sup>1</sup>, романы, повести, сборники стихов, пьесы театра *Но* и *Кабуки*, воинские трактаты и наставления, дневники). Другие же так и остались без ответа, ведь загадка не всегда требует немедленной отгадки...

Если же говорить более конкретно, то в главе о ниндзя речь будет идти о малоизвестных рядовому читателю, интересующемуся историей Японии (а также военной историей и историей спецслужб), фактах, касающихся возникновения, становления и упадка такого оригинального исторического феномена, как средневековый профессиональный шпионаж (*синоби-дзюцу*, или же *ниндзюцу*). Читателю будет предложен образ ниндзя, в чем-то сходный, а в чем-то существенно отличающийся от общеизвестного образа «воина-призрака», доминирующего в массовом сознании большинства наших сограждан.

В главе о самураях сделана попытка проследить малоизвестные моменты из истории возникновения идеалов самурайского сословия, развития его морально-этических норм, влияния самурайских идеалов на формирование того, что сами японцы называют «духом японской нации». Сразу попытаемся ответить на возможное возражение, что абсолют-

---

<sup>1</sup> *Гунки* — в японской литературе так назывались военные эпопеи, посвященные борьбе за власть между феодальными домами.

ное большинство самураев никогда не были такими, как их изображают идеализирующие этот типаж гунки, хроники, стихи и пьесы. Все верно. Но нас интересует, почему именно жизненный идеал Пути самурая был и остается настолько притягательным как для жителей Японии, так и для многих людей далеко за ее пределами, хотя самурайство как сословие (как и его европейский аналог — рыцарство) давно сошло с исторической сцены.

Всем настоящим «милитаристам» (мы имеем в виду любителей и ценителей военной истории) посвящается первая глава этой книги, повествующая о попытке монгольского хана Хубилая завоевать Японию — единственной в своем роде за всю японскую историю вплоть до XX века. А вот глава о камикадзэ времен Второй мировой войны опять же скорее является попыткой приблизиться к пониманию психологии, побудительных мотивов «тех немногих, коим страна была обязана так многим»; правда, эта страна проиграла свою войну (во многих смыслах), в отличие от той, защитникам которой посвятил Черчилль эти гордые слова. Тех, кто уже в новых условиях ступил на Путь воина и прошел его до конца, навсегда врезавшись своим смертоносно-завораживающим пиком в историческую память Востока и Запада.

Несколько особняком стоит глава о христианстве в Японии в «самурайские времена». Впрочем, основной целью автора было попытаться найти варианты ответа на вопрос, было ли возможно «встраивание христианства» в то, что мы называем традиционной японской ментальностью, или даже серьезное изменение этой ментальности, и дать читателю как можно больше материала для размышлений о том, почему все-таки эта религия после ряда поистине головокружительных перипетий так и осталась для Японии маргинальной.

В трех последних главах книги, где сюжетная канва играет сравнительно меньшую роль, автор иногда пытался сознательно отталкиваться от уже существующих у читателя, часто достаточно стойких представлений о таких «специфических японских» образах, как самурай, ниндзя и камикадзэ. При этом автор ни в коей мере не претендует на полное

владение информацией, необычайную глубину понимания проблемы и некое непогрешимое «научное» знание.

В конце книги вниманию тех читателей, которых заинтересовали данные (или же каким-то образом связанные с ними) сюжеты, предлагается небольшой список литературы, доступной для человека, не владеющего японским языком.

В завершение нашего краткого предисловия — немного о принципе передачи кириллицей японских имен собственных и нарицательных в этой книге. Он основывается на привычной для большинства читателей традиции, которой придерживались советские и современные российские и украинские японисты — то есть с употреблением звука «дз», а не «дж» (как это принято в англоязычной литературе), то есть «Фудзи», а не «Фуджи», «с», а не «ш» — («сёгун», а не «шогун»), «ц», а не «тс» («Цусима», а не «Тсусима»), а также «э», вместо нехарактерного для японского языка «е» (отсюда «ка-микадзэ», «Симоносэки»).

Япония в древности была известна под разными названиями, среди которых наибольшее распространение имели «страна Ямато», «страна стрекозиных островов» и знаменитое «Страна восходящего солнца». Автор пытался по мере сил сохранить японское звучание названий, чем объясняется его нежелание склонять японские географические названия, как похожие русские слова, — («осада Осака», а не «Осаки»). Одновременно имена и фамилии в данном тексте все же склоняются, ибо в противном случае это слишком бы затруднило восприятие текста. Внимание: японские имена и фамилии в книге всегда приведены так, как это принято в Японии — сначала идет фамилия, потом имя (например, Ода Нобунага — человек по имени Нобунага из семьи Ода). Иногда одна из частей имени — вовсе не фамилия, а прозвище (Миямото Мусаси — Миямото из провинции Мусаси, притом что и Миямото — «творческий псевдоним» великого мастера меча). Вообще, самураи нередко меняли имена — не только принимая монашество, но и по велению родителей, господина или официальных властей, но мы будем продолжать называть, к примеру, князя Минамото Ёсицунэ именно так — от рождения до смерти, хотя за это время он успел сменить с полдюжины имен. Имя из одного слова,

скорее всего, указывает на несамурайское происхождение персонажа, хотя бывают и исключения.

Для облегчения чтения мы везде пользуемся европейским христианским летоисчислением, не употребляя японских названий годов правления императоров и сёгунов. Но автор счел нужным оставить традиционные японские названия основных исторических периодов (эпох) в истории Японии, часто встречающиеся в научной и научно-популярной литературе. Здесь мы приводим их вплоть до эры Мэйдзи:

эпоха *Дзёмон* —

XIII тысячелетие до н. э. — III век до н. э.

эпоха *Яёи* —

III век до н. э. — III век н. э.

эпоха *Ямато* —

III век н. э. — 710 год

эпоха *Нара* —

710—794 годы

эпоха *Хэйан* —

794—1185 годы

эпоха *Камакура*

(она же *сёгунат Минамото* и регентство *Ходзё*) —

1185—1333 годы

эпоха *Муромати* (она же *сёгунат Асикага*) —

1333—1573 годы

эпоха *Момояма* —

1573—1603 годы

эпоха *Эдо* (она же *сёгунат Токугава*) —

1603—1868 годы

эпоха *Мэйдзи* —

1868—1911 годы.

Неофициально же период, начавшийся в 1490-х и длившийся до начала 1600-х годов, получил в Японии название

эпохи *Сэнгоку дзидай* — «сражающихся царств» (т. е. раздробленности и военного противостояния), и мы часто будем употреблять это название наряду с названиями эпох, приведенных выше. Под несколько расплывчатым словосочетанием «эпоха самураев» мы будем иметь в виду колоссальный период японской истории со времен Камакура и до реставрации Мэйдзи, то есть время, когда *воины-буси* играли значительную роль в истории Страны восходящего солнца в качестве важнейшего сословия японского общества.